

Литературная газета

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СЮЛТА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ **В. БАГРИЦКОГО**, **А. ВОЛОТНИКОВА**,
М. КОЛЬЦОВА, **В. ЛЮДИНА**, **И. СЕЛЫВАНСКОГО**, **А. СЕЛЫВАНСКОГО**,
М. СУБОПКО, **М. СЕРЕБРЯНСКОГО**, **М. ЧАРНОГО**, **Е. УСИЕВИЧ**.

№ 8 (499)

Воскресенье, 10 февраля 1935 года.

СЪЕЗД ЛУЧШИХ ЛЮДЕЙ КОЛХОЗОВ

Два года назад прозвучали с трибуны первого Всесоюзного съезда колхозников-ударников исторические слова тов. Сталина: «сделать колхозы большевистскими и колхозников — большевистскими».

Лучшие люди колхозной деревни, командиры тракторных колонн, передовики культурного сева, бригадиры и инструкторы по качеству, колхозные механики и агрономы понесли эти слова великого вождя трудящихся как боевое знамя в миллионные массы колхозников. Величественную картину всенародного наступления на фронте социалистической перестройки сельского хозяйства представляли эти два года. Под руководством партии, с помощью созданных по инициативе тов. Сталина полкитоведов, колхозы Советской страны закрепили историческую победу колхозного строя и показали всему миру образец небывалого хозяйственного и культурного подъема. II всесоюзный съезд колхозников-ударников сможет по праву заявить ленинской партии и великому Сталину: «есть большевистские колхозы, есть замкнутая жизнь».

На VII всесоюзном съезде советов в декабре т. Молотов был посвящен итог величайших успехов в развитии социалистического сельского хозяйства нашей страны. Уже в 1933 году — на 590 миллионов пудов выше урожай против «кредитного» 1913 года. Лишних 250—300 млн. пудов в 1934 г. против 1933 г. — и это при одинаковом урожае — за счет уменьшения потерь, за счет повышения потерь, за счет повышения потерь, за счет повышения потерь...

И нам, советской литературе, нужны НУЖНЫЕ горячие и радостные книги, достойные нынешнего этапа жизни и развития колхозной деревни. Эта задача встает во весь рост перед нашими мастерами пера, увлекательная и почетная задача — показать великую колхозную деревню на фоне великих лет ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТКИ.

Этим людям колхозной деревни, их простым и большим делам — наши творческие усилия, наша упорная работа над созданием новых больших полотен, живописующих величие становления социалистического сельского хозяйства в нашей стране под знаменем Ленина — Сталина.

ства культуры и знания наша деревня показывает стремительные темпы движения вперед.

На фоне этого огромного культурного роста новые, повышенные требования выдвигает колхозная деревня и к нашей художественной литературе. Художественная литература в огромном почете среди миллионов колхозников. Неслышанно растет спрос на русских и иностранных классиков, на произведения наших советских писателей. Глубже, адумчивее, требовательнее становится подход деревенского читателя к литературному произведению, и его выразительности и правдивости, и художественной силе образа и слова. Тысячи живых героев наших колхозных романов и повестей, читая о себе самих, обращают и писателю все более решительный призыв: надо еще лучше, еще ярче, еще ближе и волнующей правде величественных наших дней!

Наша литература насчитывает уже ряд произведений, по праву завоевавших признание и любовь колхозных масс. Образы «Поднятая целина», «Брусника» прочно вошли в идейный обиход нашей деревни. Колхозных героев наших книг знают, уважают, их цитируют и обсуждают и на молодежных вечеринках и в бригадном лагере.

Но при всем этом нашей литературой сделано еще бесконечно мало для отображения неотъемлемых событий, происшедших в советской деревне. Уже отшли в прошлое самые напряженные страницы борьбы за победу колхозного строя. Уже вошли мы в новую большую эпоху колхозного развития. Колхозная деревня теперь по своим темпам подъема поспевает в ногу с индустрией — «эта задача большая и трудная, но она действительно достойна новой колхозной деревни, достойна советской земли» (Молотов).

И нам, советской литературе, нужны НУЖНЫЕ горячие и радостные книги, достойные нынешнего этапа жизни и развития колхозной деревни. Эта задача встает во весь рост перед нашими мастерами пера, увлекательная и почетная задача — показать великую колхозную деревню на фоне великих лет ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТКИ.

Этим людям колхозной деревни, их простым и большим делам — наши творческие усилия, наша упорная работа над созданием новых больших полотен, живописующих величие становления социалистического сельского хозяйства в нашей стране под знаменем Ленина — Сталина.

Кадр из фильма «КРЕСТЬЯНЕ». Режиссер — О. ЗЕМЛЕР.

ЖУРНАЛ КОЛХОЗНОЙ ДЕРЕВНИ

Переделка отсталого, местами первобытного сельского хозяйства старой царской России в самое передовое в мире социалистическое земледелие сопровождается в коренной переделке людей. Миллионы техных, забитых, бедных мужиков прошлого превратились у нас в передовых сознательных колхозников, строящих вместе с пролетариями и трудящимися города социалистическое общество.

Изменились производственные отношения людей, коренным образом изменилась техника земледелия, изменилось и изменилось сознание многомиллионной армии работников села. Старые, веками сложившиеся взгляды, понятия и навыки сменяются новыми.

Самое повитое зажиточности, которое сейчас так популярно в деревне, звучит по-иному. Даль определяет слово «зажиточный» как живущий без нужды, в материальном достатке. Теперь это уже не выражает всего содержания зажиточности. Для колхозника мало быть сытым и одетым. Передовой зажиточный колхозник заводит у себя радио, покупает шафелю, выписывает газету, читает книги. Жить зажиточно — это значит для него прежде всего жить культурно. Изготовив деревенскую жизнь надежд всего продвигается вперед и вперед, и колхозники жаждут знаний, они хотят глубже понять и осмыслить окружающую их действительность.

В деле выработки нового в основе своей научного, — а это значит марксистско-ленинского — мировоззрения большое значение имеет так называемый орган, который бы давал колхознику широкое знание как в художественных произведениях, так и в научно-популярных статьях и очерках. Эту задачу и ставит себе журнал «Колхозник», издаваемый

«Крестьянской газетой» под непосредственным руководством А. М. Горького. Три вышедшие номера «Колхозника» достаточно определили лицо этого «золотого» журнала колхозной деревни. Можно смело утверждать, что журналом взят правильный курс для разрешения стоящей перед ним сложной и ответственной задачи.

«Колхозник» обильно удовлетворяет культурные запросы нашей деревни, помещая рассказы «о жизни крестьян в рабочих в наши дни и в прошлом, до советской власти... статьи о работе науки, обогащающей труд колхозника, усиливающей плодородие земли, статьи о жизни людей труда в других государствах».

Характер труда определяет и характер отдыха. В прошлом изнурительный кабальный труд гнал мужика в кабаки или бары, откуда он возвращался, окурманенный физически и духовно. У нас, наоборот, технически гораздо более сложный труд колхозника не изнуряет его сил до бесчувствия, до апатического отношения ко всему окружающему, а побуждает к выработке новой культуры труда, соответствующей высокому уровню техники, социалистического земледелия. А. М. Горький пишет по этому поводу в своей замечательной «Беседе»: «В нашей стране труд должен превращаться именно в искусство преобразования мира, в искусство изменения страны, украшения ее словом, делом, вещами. Красивые вещи воспитывают творческое воображение людей и увлечение их в труд».

Содержание вышедших номеров «Колхозника» богато и поучительно. В журнале есть и отдел художественной литературы, и отдел научно-популярный, и отдел политики. На ставя себе целью ищериывающе

рассматривать все отделы, остающимся на самом примечательном.

В отделе художественной литературы особенно следует выделить рассказы А. М. Горького о старой деревне «Шорник и пожар», и «Знаменщик». В ярких и убедительных образах заострено в этих рассказах колхозной деревни, где хозяйствую бывае колхоз, помещик, поп, урядник. Превосходный язык рассказов насыщенный деревенским фольклором, что делает их особенно доступными для колхозного читателя.

Рассказы о современной советской деревне — Зверев «Стремительная весна», Л. Воронцова «Селенье Уралья» и Сидорев «Базис» — сделаны хорошо, однако их удельный вес в журнале еще недостаточен.

Пока совершенно отсутствуют в журнале стихи. Между тем культура стиха для нашей деревни чрезвычайно важна. Колхозники сами сочиняют частушки и песни и развитие поэтического вкуса у них крайне необходимо. Помимо оригинальных стихов можно было бы помещать переводные. Иностранное классическое поэты переведены на русский язык далеко не полно.

Из научно-популярных статей в первую очередь следует отметить очерк М. Никитина об И. В. Мичурине («Мастер земли»). Его бы следовало выписать отпечатанным изложением, как образец живой и волнующей биографии великого русского самородка, всю свою жизнь отдавшего упорной работе по научению и выращиванию новых растительных культур. Глубокой мудростью проникнуты слова Мичурина о пресловутых героях истории. Умер президент Германской республики Гинденбург, «навеки успокоился под одной из восьми башен Танненбергского парка», — говорит Мичурин, — а какие у него заслуги, у этого Гинденбурга. Войны и до него гремели. Темуру вон без малого всю землю покорил. А что от него осталось, от этого Темура? Опи только развалины в Самарканде. ... Я в эти памятники никакой веры не имею. Ты слушай меня: камень или там бронза — материал непортный, прочнее всего на свете — земля». Едва ли можно найти более глубокое применение известных слов поэта о памятнике к трудовой деятельности человека.

На других научно-популярных статьях следует отметить две последние главы из книги рассказов М. Ильина о перестройке природы («Разговор о погоде» и «Горы и люди»). Общепризнанно Ильин является его умение показывать «сухой» научный материал занимательно и элементарно просто. Ильин разъясняет сложный научный вопрос на простейшие составные части и так их организует, что становится ясным и интересным самым заурядным бытовым фактом или явлением природы.

Упомянем в этой связи также статьи Б. Семевского «Пустыни и их освоение» и А. Яновлева «Большая Волга».

Вообще, рассказы и статьи всех отделов журнала написаны хорошим, доступным языком и не страдают — как это часто имеет место в наших журналах — неотъемлемыми разрезами.

Журнал превосходно иллюстрирован и оформлен — необходимо только изменить обложку. Каждый новый номер журнала является для колхозного читателя не только многообразной по содержанию, интересной и поучительной вышкой, но и книжкой культурно сделанной техникой.

Колхозное искусство

Открытие выставки самостоятельного колхозного искусства является событием громадного значения. Выставка является показателем культурных сдвигов, происшедших в колхозной деревне. Станковая живопись и скульптура — такие формы изобразительного искусства, развитие которых происходит на базе устойчивого материального бытия. То, что сейчас в колхозной деревне получают также широкое развитие именно станковые формы в противовес прикладным формам (украшение бытовых вещей в старой деревне), свидетельствует о том, какие большие шаги сделала колхозная деревня по пути к зажиточности.

Деятельность колхозного художника несомненно протекает в сфере интереса и внимания к его работе со стороны односельчан. У многочисленного колхозного крестьянства возникает насущная потребность в искусстве. Перед колхозниками — художниками стоит почетная и трудная задача непосредственного удовлетворения этой, все растущей, потребности. Для профессионального искусства задача эта является неотъемлемой. Могу ли колхозные художники с этой задачей справиться? Ведь требования нешуточные, и второсортная продукция здесь не может иметь успеха.

Прежде всего поражает обилие талантов. Оно дает спокойную уверенность в развитии советского искусства, потому что ресурсы неистощимы. Не нужно сравнивать художников-колхозников с двумя гениями самостоятельного искусства конца XIX — начала XX в., случайно появившимися в сфере «высокого искусства», французским Анри Руссо и грузином Нико Пиросмавасили. «Открытие» этих двух художников (это неслыханно не снижает полноты их дарования) было своего рода своеобразной реакцией против слишком рафинированной блан, изготавляемых современными искусством. Недаром обоих художников «открыли» тоже художники и притом наиболее причастные к самым «высоким» течениям современного искусства. (Руссо открыл Пикассо, Пиросмавасили — Запелвич).

Для буржуазии же эти два мастера со своим непосредственным отношением к действительности остались «могильниками», подобно волтерскому протесту гуронца. Однако именно эта «забитость» позволила Пиросмавасили отразить с большой силой моменты социального неравенства («Мизанер бездетный — бездетная с детьми» и др.).

Цель этого исторического экскурса помочь уяснить, что на колхозной выставке мы имеем дело не с появлением одного или нескольких выдающихся дарований, а с массовым явлением большого социального порядка, приобщением широчайших кругов к искусству и выявлению целой армии художников.

Характер живописи художников-колхозников чрезвычайно разнообразен. Это разнообразие форм является от разнообразия географического, от особенностей отдельных художников и, что особенно интересно отметить, от разнообразия форм участия в колхозной жизни. Колхозный художник изображает самое его близкое, самое интересное и потому для его искусства имеет решающее значение, является ли он пастухом или охотником, работником на поле или в конюшне. Этот профессионализм восприятия придает работам художников-колхозников бесспорную ценность раскрытия новых сторон действительности. Это черта особенно ясно видна в работах таких художников, как Власов Власов — зоотехник. В своей картине «Тренировка» он проявляет исклю-

чительное профессиональное знание особенностей строения и движения лошади. Это знание в соединении с тактичным колористическим разрешением всей картины заставляет восхищаться скаковой сцене Эдгара Дега. Те же черты специфически профессионального восприятия мы находим и у Вознесенского, колхозника-животноводца, в его картине «Телятница» и у чабана Карачаевской автономной области Албаса и у чабана Крымской ССР Наголова.

Второе качество, пронизывающее работы художников-колхозников и объединяющее самые разнообразные стремления, качество, столь редкое в профессиональном искусстве, это — поэтическое чувство. Среди работ, представленных на выставке, есть вещи хорошие, есть вещи слабые, даже беспомощные, но совершенно нет вещей бездарных, холодных или самоубийственных. Волнение и любовь к новому строю жизни заставляют колхозника заниматься искусством, и он вкладывает все это волнение и любовь в свою работу. На каждом шаге выставки мы встречаемся с проявлениями этой поэтичности, этого лиризма. Или проникнуто все творчество председателя колхоза деревни Разанова Мужилкина, художника, с большой теплотой переживающего самые обычные сюжеты окружающей действительности. Его нежное, трезвое, реалистическое искусство невольно наводит (да простят мне это «дерзкое» сопоставление) на мысль о Шардене. Хочется думать, что успехи похвалы не вскружат голову этому общедоступному художнику. Тот же лиризм мы находим в «Водопои» и в «Отрынке моста» Сухорученко и в «Сахарном заводе» и «Ветях» Семкалина, в рисунках Целенко «Колхозный огород» и «Колхозный урожай».

Из этой любви к действительности вытекает другое, тоже общее качество: глубокое внимание к самой живописи, к средствам выражения, к материалу. Для художника-колхозника живопись или скульптура не развлечение, а иная форма труда, в которой он относится так же сознательно и ответственно, как и к своей основной профессии. Иногда это внимание к самому материалу живописи в соединении с волей к наиболее полной передаче реальности приводит к своему рода наивному материализму, к попытке имитировать реальную материю, материю красочную. С такого рода фактурными ухищрениями мы встречаемся в интересной картине Миллюкова «За работой». Однако эти обремененные фактурные замыслы разрабатывают у Миллюкова все же в плане живописном. Ни Миллюков, ни Гусев, ни Вознесенский, разрабатывающие каждый по-своему проблему материала, никогда не сходятся на скользкую дорожку иллюзионизма, исключают пластическое понимание живописной формы. Это не старательные самоучки, это мастера, ставшие сложными художественные задачи, но разрешающие их не в плане профессионального искусства.

Выставка показывает мощный отряд самостоятельного искусства, о существовании которого можно было только предполагать. Вместе с тем выставка поднимает проблему развития самостоятельного колхозного искусства? Это вопрос большой и сложный. Методический отдел выставки его ни в какой мере не решает. Будем надеяться, что путем плодотворной дискуссии будут найдены методы, которые обеспечат дальнейшее творческое развитие колхозных художников на тех правильных избранных ими самих путях.

З. ВИНТОВ.

Дневник литературной газеты

10 Далеко не обычная книга вышла на-днях в издании «Истории фабрик и заводов».

Сто авторов — слесари и грузчики, кузнецы и штарботники, копщики и машинисты экскаваторов, домашние работницы и геологоразведчики, забойщики и инженеры, директор предприятия и служащая детских яслей — писали ее.

Книга эта повествует об ответ на настоящие призывы А. М. Горького «знать все, что было в прошлом, но не так, как об этом уже рассказано, а так, как все это освещается учением Маркса — Ленина — Сталина и как это реализуется трудом на фабриках и на полях... трудом, который организует, которым руководит новая сила истории — воля и разум пролетариата Союза социалистических республик».

Книга эта рассказывает о колонизации и заселении промышленности на Урале, о крепостном, риском труде рабочих, о хищническом русском капитализме и знаменитой «династии» Дежневых, о страшном быте в караванских условиях труда.

Книга эта рассказывает о забастовках, о «генеральной репетиции» Октября, о боях революции, о героической партии большевиков, штурмовавшей капитализм, о победоносной пролетарской революции и первых шагах советской власти.

история фабрик и заводов, ведущейся в нашей стране, книга ста авторов тех не менее не «история предприятая» в прямом и точном смысле этого слова. Это и не «художественные портреты строителей социализма» подобно известной книге «Люди сталинградского тракторного».

Не ставя перед собой каких бы то ни было специфически литературных задач, руководимые лишь желанием «изложить факты прошлого», познав путь своего класса, авторы, сами того не подозревая, создали книгу совершенно нового жанра — энциклопедическое повествование о становлении пролетариата, книгу коллективного героического эпоса рабочего класса.

«В истории заводов рождается новый эпос, — на этот раз не на основе мифологии, а на основе фактов, счастливого и научной практики миллионов людей — строителей социализма, этой новой поэтической действительности будущего человечества».

Эта замечательная книга фиксирует подлинное рождение рабочего эпоса: имея большое познавательное и чисто художественное значение, она несомненно вызовет значительную критическую литературу. Эту книгу будут брать в качестве образца для своей работы многие заводские литературные кружки и авторские коллективы по истории фабрик и заводов.

Называется книга «Были горы Высокой». Рассказы рабочих Высокогорского железного рудника о старой и новой жизни.

тилетие своего существования.

Первая в мире государственная школа по подготовке технических и творческих кадров для кино организовалась через несколько дней после известного ленинского декрета о национализации кинематографии.

В противовес весяким частным киностудиям, этим «инкубаторам киноновостей», государственной техникум кино поставил перед собой задачу подготовки кадров для кино на серьезной научно-теоретической основе. Уже с первых лет существования ГТК в нем, несмотря на наличие распространяемых тогда настроений «спешности» и беготни, формировались и крепил творческие течения, сыгравшие впоследствии серьезную положительную роль в советском кино. Сюда относятся, например, работа Кудашова, еще тогда применявшего метод предварительных репетиций, широко внедряемый сейчас на киностудиях.

За 15 лет институт выпустил несколько сот квалифицированных режиссеров, операторов, актеров, сценаристов и художников, дав тем самым богатый ответ тем, кто вообще сомневался в возможности воспитания в киношколе творческих работников кино. ГИК интернационально и внимательно следил за ним иностранные кинематографы и киноорганизации, использовавшие многолетние опыты советского института для организации кинообразования за границей.

Из числа окончивших ГИК выросло немало ведущих творческих работников кинематографии, орденосцев, заслуженные деятели искусств и заслуженные артисты республики.

ГИК недавно реорганизован в Высший государственный институт кинематографии типа художественной академии. В его научно-исследовательском секторе сосредоточена творческая и исследовательская разработка проблем кинематографии. Среди его преподавателей — лучшие творческие и теоретические силы советского кино. Подбираются крепкие кадры аспирантуры.

Пятидесятилетие существования старшего советского художественного вуза — прекрасная иллюстрация наших достижений в области советской кинематографии, в области художественного образования вообще.

Сценарный факультет ВГИК, который готовит для кино кадры авторско-драматургов — область, непосредственно связанная с советской литературой и драматургией. Сценарий — высококачественное произведение, имеющее право на самостоятельную художественную жизнь. У нас уже есть образцы талантливейших произведений, написанных для экрана. Успехи советского кино дают нам право ожидать от кинодраматургов произведений, которые будут ценным вкладом в нашу художественную литературу.

В дни празднования пятидесятилетия существования ВГИК мы приветствуем от лица писательского объединения старейший художественный вуз республики, внесший свой немалый вклад в советскую кинематографию, заложивший фундамент которой является общим делом не только работников кино, но и работников смежных областей искусства и в первую очередь — советской литературы.

Всероссийская выставка работ самостоятельных колхозных художников, «ТЕЛЯТНИЦА» — ВОЗНЕСЕНСКИЙ (колхозник животновод Шаховского района, Московской области).

ОТ СЕКРЕТАРИАТА ССП

Десять лет «Октябрь», одного из лучших литературно-художественных журналов, не может не породить...

Секретариат Союза советских писателей СССР горячо приветствует редакцию журнала «Октябрь» в дни его десятилетия. Ленинское руководство ЦК нашей партии во главе с ее великим вождем тов. СТАЛИНЫМ обеспечило общему росту социалистической культуры и литературы нашей страны...

ры писателей из советской интеллигенции. И вот за последние время журналу удалось привлечь некоторых из этих писателей, в этом направлении предстоит еще много сделать. «Октябрь» не случайно пользуется репутацией журнала, широко и гостеприимно раскрывающего свои страницы для новых и новых кадров молодых советских писателей...

У нас не достало еще ни одного журнала применительно к поэзии. Не учитывая этой жаждою дифференциальной, мы проходим мимо весьма существенных и содержательных сторон поэтического творчества. Самое обращение поэта к тому или иному жанру, конечно, не случайно; оно определяется характером отражаемых им сторон действительности...

Смена таких неожиданных сюжетных кадров позволяет значительно и разносторонне показать объект изображения. Но сам этот объект малоинтересен. Последняя книга Н. Панова интересна прежде всего тем, что в ней он делает большой шаг вперед в смысле углубления своего сюжета. Очевидно прежде всего литературный рост поэта. Обе поэмы, включенные в книгу «Сулук» и «Ночь влюбленных» ставят уже большие и острые проблемы. Дагестан и советский горняк в «Сулук», новый человек в «Ночи влюбленных» — обе эти проблемы и значительны и характерны для действительности. Острота сюжетных положений позволяет Н. Панову с большой отчетливостью показать прозаическую реальность жизни. Столкновение их в резком конфликте и тем самым обнаруживает их характерные стороны. Это очень отчетливо можно наблюдать в поэме «Ночь влюбленных». Предельная близость влюбленных в первую брачную ночь обнаруживает в то же время их глубокую идеальную чуждость...

де, в котором она представлена У. Н. Панова. Углубляет сюжетом, остротой сюжетной ситуации. Н. Панов оставляет в тени характеры, которые с теми сюжетными сдвигами. Она падает для него лишь как шпалерные члены создаваемого им сюжетного «сравнения». Но если раньше можно было еще думать о том, что это связано с абстрактностью или излишним бютовым сюжетом, то теперь бедность характеров выступает как основной недостаток творчества Н. Панова. Тем более опасен, что он сам стремится утвердить этот свой недостаток, теоретически обосновав его. Так в примечании к поэме «Сулук» он прямо говорит: «Персонажи века, конечно, не живые люди, а некие условно-романтические маски — целью автора было дать при их посредстве атмосферу полного Дагестана, те заметательные социально-психологические сдвиги, которые происходят сейчас на родине Сталина» (стр. 82).

«Октябрь» неизменно боролся за подлинное отражение в художественной литературе великих процессов социалистического переустройства нашей страны. В дни десятилетия «Октябрь» его писатели могут сказать, что «Октябрь» боролся за подлинную, живую, нерушимую связь литературы Страны Советов с действительностью строящегося социализма; боролся и ратовал за эту связь тогда, когда ее живительное влияние на литературу было еще «тайной неведомой» для многих и многих советских писателей и их групп, а для иных представляло даже вульгаризацию высокого искусства.

Этой замечательной действительности социализма, которую в героических усилиях создавал и создает, творил и творит пролетариат нашей страны под руководством партии Ленина и Сталина. «Октябрь» боролся за новый, пролетарский тип советского писателя, всем существом своим, всеми своими мыслями и чувствами связанного с той борьбой за социализм, которую вели и ведет партия и рабочий класс; боролся за тип писателя — живого, активного участника боев за социализм.

этих произведений история советской литературы была бы много бедней! На реальном, жизненном материале нашей действительности, нашей революции, ПО ГОРЯЧИМ СЛЕДАМ ЖИЗНИ создавались и продавались писателям «Октябрь». Мы знаем, как-то помириться: «Вульгарная злободневность!» Но мы твердо и горячо убеждены, что названные произведения внесли свое дело в общий подвиг советской литературы, а в нем из них навсегда останутся в ее истории.

Много сделано, но много больше, неизмеримо больше предстоит сделать. Неисчерпаемая жизнь ставит перед журналом и его писателями новые и новые задачи. Мы твердо уверены в том, что «Октябрь», его редакция, его писатели с еще большей решимостью будут работать над разрешением этих задач за процветание социалистической литературы, создаваемой под руководством ленинской партии и ее вождя тов. СТАЛИНА, великого друга и вдохновителя советских писателей.

А. СЕРАФИМОВИЧ

КАК РОЖДАЛСЯ „ОКТЯБРЬ“

Во всяком хорошем доме должен быть журнал на столе. Всякое хорошее сообщество литературное должно иметь свой собственный журнал. Имел свой журнал и РАПП. Назывался он «Октябрь».

но до такой степени презрительно, что даже не переплюнул. Пролетарские писатели, в своем кругу, еще дохлякние, неуверенные в себе, потянулись в «Октябрь», в свой дом. А они, эти пролетарские писатели, еще дохлякние — ветром качало на тонких ножках, неуверенные в себе, потянулись в «Октябрь», в свой дом.

Тут они жили, тут они росли, тут они набирали силы, тут они расширяли, отстаивали свой дом, от которого потянулись нити к читательским слоям пролетариата. Тут крепки и окрепли пролетарские писательские ряды. «Октябрь» рос и вырос не потому, что у него была какая-то особенная по качеству редакция (редакция вообще-то неплохая была), а потому, что в пролетарских рядах читателей нарастающая потребность своего пролетарского журнала. Журнал вырос вниманием, поддержкой пролетариата.

РАПП сыграл крупнейшую роль в зачатии пролетарской литературы. Но когда РАПП достиг вершины своей силы, славы, верхушка его стала разлагаться, — тонкая, залегающая от рождения червоточина пошла гнать карьеры, лжи, интриги. Верхушка РАПП и журналы свои старалась использовать как молоты для ковки своей карьеры. Разумеется, редакция «Октябрь» на такую роль не потяла. Завязалась борьба.

М. А. НЕКСЕ

ПРИВЕТ ДРУГА ИЗ-ЗА РУБ ЖА

Журнал «Октябрь» уже одним своим названием означает величайший поворот в истории, пожалуй, самый великий из всех, пожалуй, самый Перед Октябрьской революцией существование большинства человечества было подобно лотереи; кем-то доставалось выигрыш и они могли — за счет всех других — вести солнечное существование, жить в счастье. Как и в лотерее, основной массе человечества доставались пустышки. Только с большевизмом старая, прежде звучавшая ложью поговорка: «Намный — кузнец своего счастья» приобрела смысл и содержание. Каждый может получить выигрыш, ему нужно только захотеть и присоединиться к общему делу.

Журнал «Октябрь» уже одним своим названием означает величайший поворот в истории, пожалуй, самый великий из всех, пожалуй, самый Перед Октябрьской революцией существование большинства человечества было подобно лотереи; кем-то доставалось выигрыш и они могли — за счет всех других — вести солнечное существование, жить в счастье. Как и в лотерее, основной массе человечества доставались пустышки. Только с большевизмом старая, прежде звучавшая ложью поговорка: «Намный — кузнец своего счастья» приобрела смысл и содержание. Каждый может получить выигрыш, ему нужно только захотеть и присоединиться к общему делу.

В этом гигантской разнице между эпохами до и после Октября 1917 года. Прекрасная, богатая жизнь человека не зависит больше от случайности или преступлений, а прератилась в общее достоиние на шестой части земли. Мы, вне ее стоящие, называем эту шестую часть новым миром. Журнал «Октябрь» — прекрасное духовное свидетельство этого нового мира, где вместо немногих счастливых и бесконечной массы голодных людей и духом живут исключительно люди, обладающие мужеством и волей к жизни. Шлях трезвет к празднику десятилетия.

Теперь молодая редакция умело ведет крепкий, здоровый пролетарский журнал в кровной связи с широкой массой пролетарского читателя и писателя.

ИСТОРИЯ И ВЫМЫСЕЛ

Недавно вышла в свет первая книга романа Мих. Козакова «Десять точек». Если вспомнить старые вещи Козакова — «Мещанин Адамков», «Абрам Шаптар», «Содержатель гостиницы», «Человек, падающий вниз», писанные умело, местами даже сочно, но какой-то назойливой метафоричностью и, главное, с внутренней ограниченностью зрения и писательского пафоса, то в творческом развитии писателя широкое поле «Десять точек» обмывает прежде всего, как неоспоримый успех. Этот успех не является случайным. Кропотливое бытописательское внимание — не без дешевого налета выигранной «достоверности», которое Козаков как художник унаследовал от своего учителя действительности, не могло не упереться в идеальную маломощность этого материала. И ни выходя из мертвого круга мелкобуржуазных переживаний, подталкиваемый в этом огромным творческим воздействием эпохи строящегося социализма, Козаков делает решительный шаг в сторону углубления тематики.

авторские кавычки в определении мелкобуржуазного и буржуазного «демократизма» оказались бы всего только дешевыми историческим трюизмом. Так, обстоятельно выписанные в первой книге картины провинциальной жизни — своего рода нижних слоев, питающих общественно-политические традиции русской интеллигенции, уступают место во второй книге роману широким просторам Петербурга, Лондона, Парижа, Государственной думы и передовых позиций — всей той исторической арене, на которой во время войны эта буржуазно-демократическая интеллигенция в полной мере проявила свою классовую близость интересам отечественного империализма. Так, только мелкое намеченное в первой книге узлы социальных противоречий и линии классового расхождения социальных сил приобретают во второй книге романа более подробное художественное истолкование и находят конкретное воплощение в новых человеческих образах и в показе большевистской политической борьбы.

Огромное количество исторического материала вошло в роман так, что все прежние действующие лица оказались ему не по плечу. Может быть, именно этому, что так близко, и потому, что в первой книге романа рассказано о своих героях почти все, что о них можно рассказать. Но во втором случае, во второй книге они как бы повторяют самих себя или паразитически существуют за счет исторических событий, о которых в романе идет речь, и исторических лиц, в среду которых они волею автора поставлены. Так например, описание поездки Козаков делегации во время войны за границу интересно, конечно, не потому, что в этой поездке участвует Лев Павлович Карабев, один из лидеров буржуазной демократии и один из центральных вымышленных фигур романа, а потому, что это — сильный и выразительный эпизод, характеризующий патристическое движение в рядах русской демократии в войне. Этот эпизод для романа необходим, но положен он так, что в характеристике обобщающего героя ничего не прибавляет. Действительно, заграничные поездки Карабева и его высказывания корреспондентам столь трюизмально саморазоблачительны, что нельзя не вспомнить слов замечания Герцена Белинскому по поводу одной из напечатанных его литературных бесед: «Как же ты с дичью слона не мог догадаться, что разговариваешь с дурком?» Карабев в разное время общественно-политического мышления так никак не удается, но воспринимается его не как живой образ, а как условную идеологическую маску. И не потому ли его можно считать изюминкой этой поездки, и впрочем от этого не уменьшается, что по своему идеологическому раскрытию он ниже той исторической действительности, на фоне которой выписаны цветы его правдолюбия?

Совершенно так же растворен в общему материалу Федя Калмыков: на страницах романа он посылает, а в основном является его наиболее действенным сюжетным лицом, что сюжет в целом оказался почти оторванным от «периферии» романа — глубокие вышатаивания исторического материала живут в нем самостоятельной жизнью. Имелось поэтому довольно сложная композиционная рисунки романа с интригованными недоговоренностями, торжественными действиями и прозаическими эффектами никак не повышает приращение описанных в нем событий. Но интерес читателя сосредоточивается не на внешней последовательности этих событий, а на эмоциональном внутреннем движении романа, в котором является его наиболее действенным сюжетным лицом, что сюжет в целом оказался почти оторванным от «периферии» романа — глубокие вышатаивания исторического материала живут в нем самостоятельной жизнью.

И Всероссийская выставка работ самостоятельных колхозных художников. «МЕДВЕДЬ С ДОБЫЧЕЙ» — И. АНБАЕВ (пастух-чэбан аула Марухамово Семеновского района Нарчатской области).

и драматичность ситуации заслоняется риторичностью монологов. Последние поэмы Н. Панова обнаруживают, таким образом, и его силу и его слабость. Эта слабость станет нам в особенности понятной, если мы вспомним то понимание сюжета, которое было дано М. Горьким в «Беседе с молодыми». Сюжет для М. Горького прежде всего — история роста и развития характера, типа. Отрывая сюжет от характера, Н. Панов тем самым лилит сук, на котором сидит. В процессе своего поэтического роста Н. Панов уже добился социальной насыщенности и остроты сюжета. Следующим и необходимым для него шагом является разработка проблемы показа характера.

же и сам Козаков не совсем еще из преодолел: оповизи замесла, связанные с кандушским образом, свидетельствуют об этом не менее красноречиво, чем предостерегает весь роман оторванность художественного воображения автора от конкретного исторического материала. Подведем некоторые итоги. Правильно выделенные исторические пропорции (за исключением нескольких, в этом смысле спорных сцен, сопряженных с образом Кандуши), тщательная выверенность черт героя, по которым роман написан, — вот что определенно достоинства «Десять точек». Но там, где в романе свободный художественный образ сталкивается с документальным фактом, он утрачивает свое внутреннее равновесие, и в нем явно проступают его недостатки. Основным же из них является именно это отступление от исторической действительности. «Десять точек» — роман не исторический, в его главные герои представляют собой продукт свободной мысли автора, тем не менее его историко-определяющая сторона оказывается полнее сильней и действительнее, чем человеческие образы широкого обобщения. Иначе говоря, и в этом романе оказалась известная творческая неспособность Козакова перед явлениями действительности: умело суммируя проверенные холм истории факты, он всего только поднимает их, логично связывает в полноворотных образах, в движении которых эта логика раскрывается.

В заключение, однако, необходимо высказать за свободу этой оценки как ряд исторических персонажей романа (Мамыкин, журналист Фома Аджирнов и т. д.), так и нераскрытые еще в полной мере зарисовки людей большевистского подполья. И те и другие, сделанные с большой убедительностью, как бы вырастают из самого материала. Но если первое проходит по страницам романа как яркие иллюстрации исторических фактов, то второе — большевик — будто играть в нем главные исторические роли. Хочется думать, что именно последние, в изображении которых Козаков защищает правду и вымысла и из которых ему наиболее удалось образ Валушка, являясь для него творчески опорными в дальнейшем и окончательном разрешении его сложной художественной задачи. ГЕРМАН ХОХЛОВ.

КНИЖКА

★ В ближайшее время выйдет первая книга «Октябрь» за 1935 г., посвященная десятилетнему журналу.

В художественном разделе номера печатаются: Роман Роллан «Из дневников военных лет»; Д. Фурманов — «Чайковский»; Мемуары писателя «Дневники»; Арт. Веселый — «Смерть и любовь»; В. Саянов — «Лиза Газа»; «Чувствительная старуха»; Н. Улыков — «Счетовый ушел»; А. Гидаш — «Памяти Кирова» и др.

В отделе критики следует отметить статью т. М. Висера «О некоторых вопросах социалистического реализма». Интересные вопросы поднимают статьи т. С. Третьякова («Шесть крахов») и В. Новикова («М. Горький и русская буржуазия»).

«Журнал Октябрь». В этом отделе помещены юбилейные приветствия секретариата ССР, «Литгазеты», Гослитиздата, «Помосольского правления», писателей, поэтов и заводских литераторов. Статья т. Новича «Десять лет борьбы за пролетарскую литературу» показывает итоги десятилетней работе «Октябрь».

Номер иллюстрирован портретами активных участников создания журнала «Октябрь».

КАЗАКСТАНСКАЯ БРИГАДА

Ленинградская организация приняла шефство над казахстанскими писателями.

Президиум правления ССР утвердил состав бригады, созданный при Ленинградском комитете по 15-летию Казахстана. Подготовит антологию пролетарской поэзии Казахстана и сборник лучших произведений казахстанских писателей.

В состав бригады входят: т. В. Лавренев, Ю. Соболев, В. Саянов, В. Рождественский и П. Лукинский.

«ПИКОВАЯ ДАМА» в ленинградском Малом оперном театре (режиссер В. З. Мейерхольд). На фото: ГЕР...

«Две невольничьи цепи не могут вместе существовать в нравственной природе, так же, как два тела не могут в физическом мире занимать одно и то же место», — так напишет Пушкин последнюю главу повести «Пиковая дама». Его Герман вечно охвачен одной «идеей» — идеей «стрех карт», и роман его с Лизой имеет подлинное значение: он возникает как попытка Германа приблизиться к графине — обладательнице тайны «стрех карт».

Но автор либретто оперы Моцет Илья Чайковский превращает мысль Пушкина. Он пытается выводить в «Пиковую даму» идею Германа — «стрех карт» и любовь к Лизе. Это порождает рад противоречий в его либретто.

Моцет Илья в первые действия в эпоху Екатерины и ввел в оперу лирико-драматический элемент. Эти изменения были причиной сдвигания изображения пушкинского замысла.

Петр же Илья Чайковский в постановке самой музыкальной ткани оперы в основном следовал за Пушкиным. В мелодической структуре оперы, в музыкальной характеристике Германа тема «стрех карт» является преобладающей над любовной темой. Но при этом Илья Чайковский дает ей новую окраску. В опере нет сухости и прозрачности пушкинского повествования, в ее мрачном колорите сквозит тона песимистическая и мистическая.

Таким образом в опере налицо три ряда противоречий: между Пушкиным и Моцетом Чайковским, между братьями Чайковскими, между Пушкиным и Петром Чайковским.

В. З. Мейерхольд, поставивший «Пиковую даму» в Гос. акад. Малом оперном театре в Ленинграде, прежде всего занялся оценочным анализом произведения от истолкования идей фантасмагической традиции. Затем он стремился пробиться к первоначальному замыслу Пушкина. Но Мейерхольд так далеко не приблизился к реальному замыслу, — и в опере отразились новые черты, она стала гораздо более значимой.

Прежде всего ликвидированы «два главных повеления», внесенных Моцетом Чайковским в пушкинскую сюжет. Роман Германа с Лизой опоздал заглавным положением, и поступки Германа получили оригинальную мотивировку, которой раньше не имели в первом либретто. Герман — не любовник, а веролом, но если любовь Лизы для него не цель,

В союзах писателей

ОШИБКИ ИСПРАВЛЯЮТСЯ

В № 11 журнала «Напутствие» (орган западной организации ССР) помещены очерки «Желтоштанка» В. Марьенкова на тему о борьбе с бандализмом в Смоленской губернии в восьмидесятом году. Эти же очерки Е. Марьенкова печатаются в журнале «Напутствие» в отдельной статье «Бандитский монолог» и выходящая одновременно специальная политическая оценка в «Комсомольском правде» 14 января текущего года (статья «Бандиты в подполье»). В очерках «Желтоштанка» В. Марьенков искажен, политически извращена роль и действия коммунистов в борьбе с бандализмом.

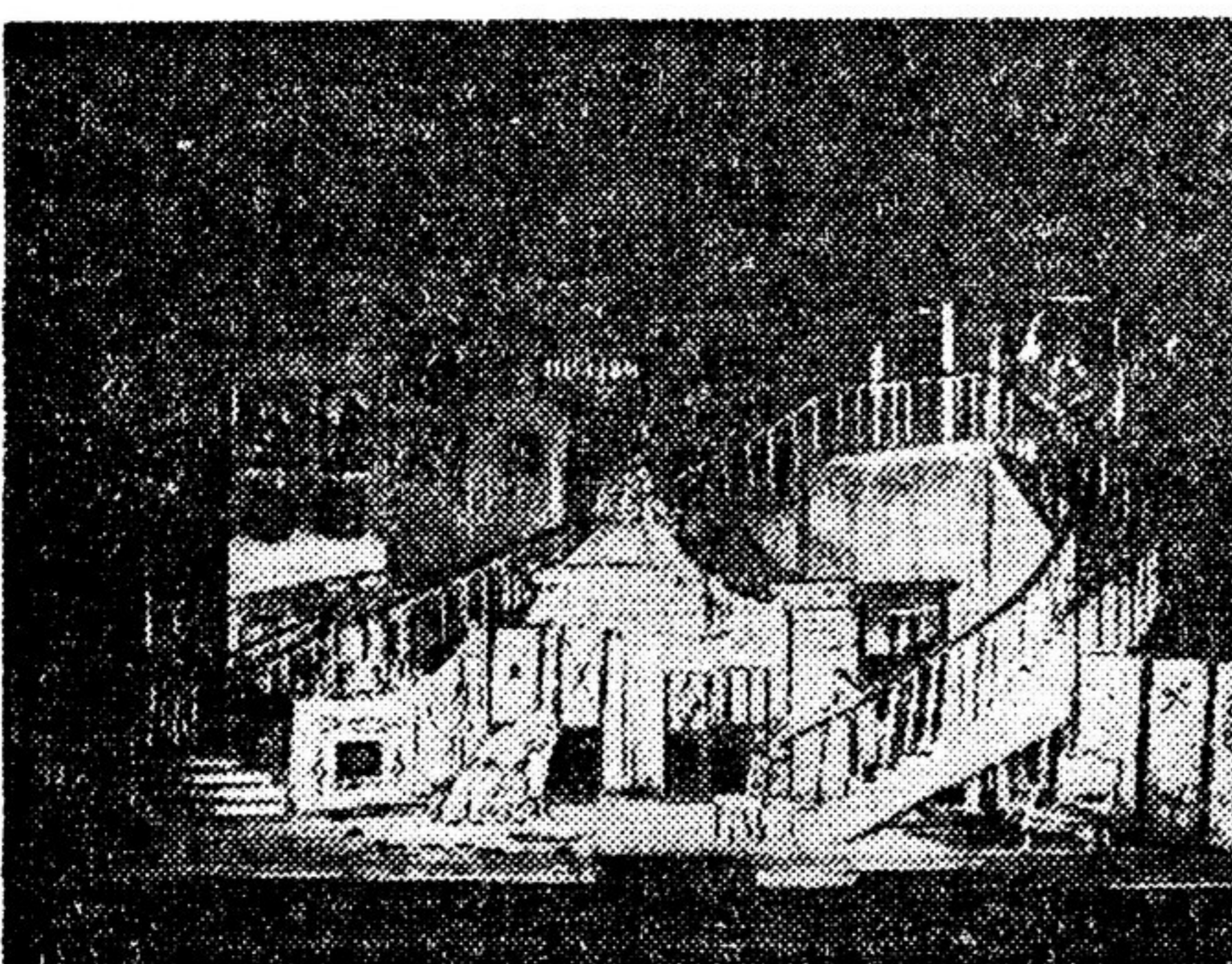
На областном критическом совещании, организованном союзом писателей (17 и 18 января тек. года), очерки В. Марьенкова были осуждены. Партийная организация союза приняла решение, в которых два проследителя в очерке очерков В. Марьенкова «Комсомольское правдо» считает ошибкой редакция «Напутствие» напечатать очерки о «Желтоштанке» в журнале и предлагая редакция последнего в очередном номере дать развернутую критику очерков.

Очерки В. Марьенкова, напечатанные его очерков в журнале и газете говорят также о том, что необходимо принять решительные меры в усилении политического воспитания молодежи.

ПОДНЯТЬ КАЧЕСТВО РАБОТЫ

ГОРЬКИИ (наш. корр.). Недавно состоялся расширенный шабум союз советских писателей Горьковского края.

Развернувшись на пленуме самокритика, способствовала открытию ряда больших недостатков в работе писательской организации края. Как и прежде, наиболее уязвимым местом является критика, резкое отставание которой тем более нетерпимо в связи с общим ростом краевой литературы. Краевая критика имеет все те недостатки, на которые так резко и справедливо указывал А. М. Горький в своих последних статьях. Резкой критике была подвергнута работа краевого литературного еже-

АРК. ЛИТВИН.

ПУШКИНСКИЙ ВРЕМЕНИК

ЛЕНИНГРАД (наш. корр.). Пушкинская комиссия Академии наук СССР приступила к изданию своих «Временников» — особых сборников журнального типа, посвященных научной жизни и творчеству А. С. Пушкина.

Первый сборник выйдет в производство 1 февраля. В нем печатаются полный текст недавно найденной поэмы Пушкина «Ген Фоминский» с комментариями Л. Б. Молдаванского, заметки о «Кавказской даме» и «Горышке» Ю. Г. Оксман, статьи: В. Винограда — «Статья «Пиковой дамы», М. Азаволова — «Сказки Пушкина», А. А. Ахматовой — Пушкина и В. Константинова — Винограда — «Бугаряки» — поэма «Горышка Годунова», В. Томашевского «Пушкин и Лаврентий», Ю. Оксман — «Современники» Пушкина», Д. Якубовича — «Проза Пушкина в изучении советских исследователей», Д. Балого «Пушкин в лирике» и др.

В сборнике помещены новые материалы о жизни и творчестве Пушкина (В. Казаковский) и ряд новых документов о Пушкине из архива П. Шеролева. Большой интерес представляют впервые публикуемые материалы о государственной организации пушкинского юбилея в 1899 г. (перешла в печать Академия наук В. К. Романова и Николай П.).

РАИОННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

ВОРОНЕЖ (наш. корр.). В этом году в Воронеже, при газете «Красное знамя» начнет выходить первый районный литературно-художественный журнал «Литературный молодец», рассчитанный на широкие массы колхозной, рабочей и учащейся молодежи.

Журнал будет выходить ежемесячно. Первый номер его выйдет в конце февраля. Постоянные отделы журнала: проза, стихи, критика и беллетристика, искусство, детский отдел, переписка с читателями, отдел «На досуге» и другие.

МАН — арт. КОВАЛЬСКИЙ, ЛМЗА — арт. СОКОЛОВА и сцена в комнате графини.

НОВАЯ „ПИКОВАЯ ДАМА“

«Что наша жизнь? — игра», прибавляется к фантасмагическому мифологизму самого П. И. Чайковского. Мейерхольд же, хотя и очень тактично, разоблачает театральными средствами эту философию. Он показывает, как она в соединении с крайним индивидуализмом приводит Германа к распаду личности.

И вот — мистика «Пиковой дамы». Мейерхольд оставляет призрака графини на сцене, но он ослабляет мистический элемент (совсем устраняет его невозможно, он коренится в музыке) тем, что призрак подает же просто и реально, как и живая графиня. Фантасмагический образ, показанный реально, свободен от «сверхчувственности», он лишь условная театральная фигура.

В 1949 г. Рихард Вагнер в своей замечательной брошюре «Искусство и революция» писал: «Насколько наш театр не в состоянии объединить все виды искусства в истинной драме, в самой высокой и совершенной форме, ясно видно из его подразделения на драму и оперу, чем у драмы отнимается идеализирующая выразительность музыки, а опере прежде всего отнимается в сущности и великом значении истинной драмы». Эти слова остаются верными на протяжении всей истории буржуазного театра.

В. З. Мейерхольд уже в довоенную эпоху, работая и в драме и в опере, стремился преодолеть эту разобщенность драматического и музыкального театра. С особой силой обнаружил это стремление в спектаклях театра его имени. Музыкальная струя, выходящая в развитие эпохи театра, начиная с «Лизы», в «Бубузе», спектакле, имевшем огромнейшее принципиальное значение, становится основным потоком, несущим театральное действие. Именно через опыт «Бубузы» и ряда своих последующих постановок подошел Мейерхольд теперь к опере. Там музыка понимает драму, здесь достижения музыкального драматического театра пытаются оперный. Эти достижения Мейерхольда дали ему возможность вскрыть драматизм музыки П. И. Чайковского, который раньше не понимал впервые не только в вокальных партиях и в оркестре, но также и в тесно связанных с ними четких мимических, речевых, жестовых, движений. Мейерхольд принес в оперу высокий реализм, наводящий смертельный удар вежеской «лампы» и при этом черпающий свой материал из глубины музыки. И то новое явление в развитии театра им. Мейерхольда, которое условно может быть названо «спихологическим театром», сплавилось здесь в творческом проницательней режиссера в душевную жизнь персонажей оперы, с такой тонкостью организована композиция, в его умения научить исполнителей воплощать в игре своей музыкальные образы.

Поставившие спектакль оперу отлитого, наивного, истерики корин-

ИРАКЛИ АНДРОНИКОВ

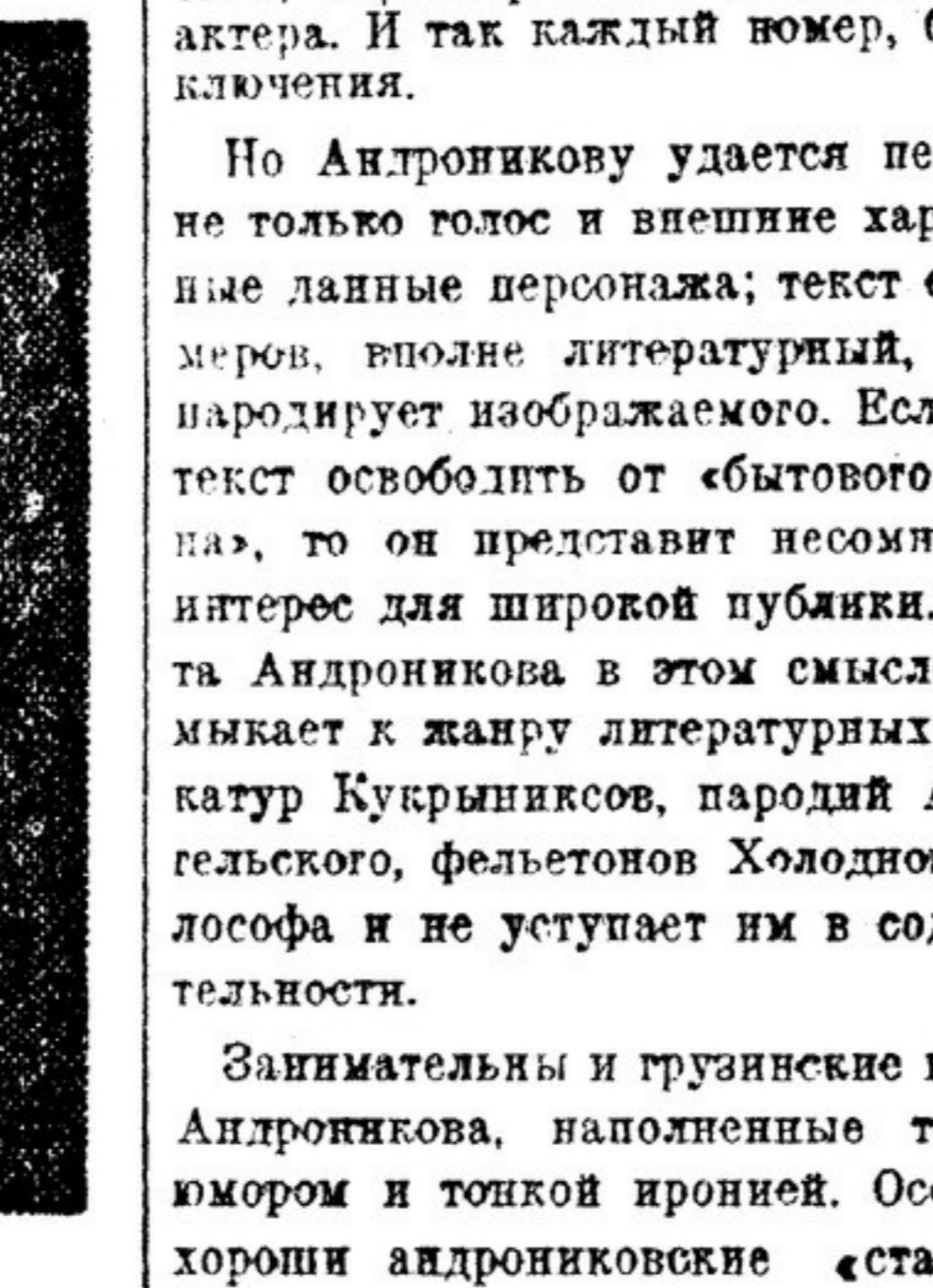
«Два вечера — в Доме писателя и в редакции «Литературной газеты» — мы слушали лекцию Иракли Андроникова. Писатель и журналист, присутствовавшие на просмотры, приняли программу Андроникова восторженно, и он имел настоятельную, большую успех.

Между тем Андроников — не профессиональный актер, театр, сатирик, имитатор. Его выступления в Москве были чуть ли не первыми публичными выступлениями, хотя ленинградская среда знает его очень хорошо. Но это, так сказать, товарищеская, «домашняя» известность. Мастерство же его отклик на «домашнем» — оно подлинное, отлаженное в деталях, литературное и актерское мастерство.

И Андроников, являясь в литературной среде Ленинграда (по профессии он — литературный редактор), использовал свое природное дарование с тонкой наблюдательностью для подражания гошему ряду писателей и актеров (проф. Жирмунский, Шерба, А. Г. Толстой, С. Маршак, И. Чуковский, В. Качалов и др.). Удается это ему исключительно. Когда Андроников выходит к другой комнате и вы слышите оттуда голос А. Н. Толстого, то приходится убеждать себя, что разговаривает не Алексей Николаевич. Вот Андроников-Качалов читает «от автора» «Воскресенье Толстого» — это пародия, но какое разительное сходство с голосом, жестом, характерностью замечательного актера. И так каждый номер, без исключения.

Но Андроникову удается передать не только голос и внешние характерные данные персонажа; текст его номеров, вполне литературный, остро пародирует изображаемого. Если этот текст освободить от «бытового уклона», то он представит несомненный интерес для широкой публики. Работа Андроникова в этом смысле прикладывает к жанру литературных карикатур Куркинских, пародий Архангельского, фельетонов Холодного Философа и не уступает им в содержательности.

Занимательны и грустные номера Андроникова, наполненные теплым юмором и тонкой иронией. Особенно хороши андрониковские «старухи». Это — полноценные, мастеров сделанные комедии.

ММХ.

ИЗВЕЩЕНИЕ

11 февраля в 20 ч. в ДСР (ул. Воровского, д. 60) состоится очередная литературная дискуссия Московской группы «Союз писателей».

Почет. драматург А. Д. Нуминин прочтет свой новый драматический поэм «Австрийская почта».

МОГИЗ

ПОКАЗАТЕЛЬНЫЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИН № 6

Книжный, 18. тел. 4-42-39

Имеет большой выбор литературы художественной (беллетристика, критика, искусство, общественные науки, техника и другие дисциплины).

Отпуск производится исключительно индивидуальным потребителем.

Отправки в книги даются по телефону и сообщаются письменно.

КОНКУРС

НА ЛУЧШИЙ ОЧЕРК О РАБОТЕ ЯЧЕЙКИ ЗОТ

С целью литературного показа лучших авторских бойнов за овладение техникой и для выявления авторских сил авторского движения Редакция журнала «Зот» объявляет конкурс на лучший очерк о авторской работе — на предприятиях промышленности, на транспорте и сельском хозяйстве (МТС, совхозы и колхозы).

Очерк должен быть написан в художественной форме и общедоступным языком. В конкурсе могут участвовать все желающие.

Темы очерка: описание работы авторской ячейки, кружка добровольной технической учебы, кружка работников-авторов, или массового мероприятия по технической пропаганде (театр, театр, т. д.), организационного ячейки ЗОТ, либо авторский отчетный доклад ЗОТ в процессе их производственно-технического роста.

Размер очерка до 600 строк не более 1/2 листа (до 12 страниц на машинке). Очерк может быть написан на языке любой народности СССР. (рок конкурса — по 1 мая 1935 года).

Рукописи посылаются в редакцию журнала ЗОТ — Восточный пер., д. 9, под диктовку автора, а самый диктов — в редакцию ЗОТ, ул. Горького, д. 10. Препровождается в отдельном конверте, с надписью «для авторского конкурса».

По конкурсу установлены три премии: 1-я — 1000 руб., 2-я — 500 руб., 3-я — 300 руб. (сверх гонорара в 500 руб. за авторский очерк).

Результаты будут объявлены не позже 1-го июня 1935 г. Все премированные, а также и одобрившие жюри конкурса рукописи, будут напечатаны в журнале «ЗОТ» в течение 1935 г. и могут быть использованы в отдельном сборнике.

КНИГИ

по всем вопросам русск. и иностр. П О К У П А Ю Т

магazines «Советский писатель», ул. Горького, 28, против Телеграф. телефоны: 1-96-49 и 73-34.

МОГИЗ

ПОКАЗАТЕЛЬНЫЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИН № 6

Книжный, 18. тел. 4-42-39

Имеет большой выбор литературы художественной (беллетристика, критика, искусство, общественные науки, техника и другие дисциплины).

Отпуск производится исключительно индивидуальным потребителем.

Отправки в книги даются по телефону и сообщаются письменно.

МОГИЗ

ПОКАЗАТЕЛЬНЫЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИН № 6

Книжный, 18. тел. 4-42-39

Имеет большой выбор литературы художественной (беллетристика, критика, искусство, общественные науки, техника и другие дисциплины).

Отпуск производится исключительно индивидуальным потребителем.

Отправки в книги даются по телефону и сообщаются письменно.

В ближайшее время выходит

в свет очередного № 16—18

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

П У Ш К И Н У

От редакции.

1. ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПУШКИНА.

Пушкин-критик А. Луначерский. Путь Пушкина к реализму. И. Виноградов. Проблема Пушкина. Д. Мирский. О некоторых вопросах изучения Пушкина. И. Сергеевский. О семье Пушкина. В. Виноградов. «Борис Годунов». Д. Бернштейн. Проблемы научной биографии Пушкина. Д. Балого.

2. РАЗЫСКАНИЯ ПО ИСТОРИИ ТВОРЧЕСТВА И БИОГРАФИИ ПУШКИНА.

Из пушкинских рукописей. Б. Томашевский. Пушкин и Ковальский. Ю. Тынянов. Девятая глава «Евгения Онегина». Б. Томашевский. Историко-литературные очерки Пушкина. С. Бонди. Пушкин в работе над историей пушкинскими. Ю. Оксман. Пушкин в работе над историей Пушкина. И. Сергеевский. Николай I — редактор Пушкина. Т. Зетгер.

3. ИЗ НЕИЗВЕСТНОЙ ПЕРСИПНА.

Неизвестные письма Пушкина: 1. Письмо к А. Ф. Овдарику. Ю. Оксман. 2. Письмо к И. В. Киреевскому. О. Попова. 3. Письмо к М. В. Дондукову-Корсакову. Н. Лавров. Неизвестные письма к Пушкину: 1. Письма: Д. И. Арсеньев, Д. Герасимов, Е. С. Родина, Н. И. Гончаров, М. Т. Лебедева, Л. И. Пашева, Н. Н. Пушкин, Н. Н. Раевского, К. Рач. П. И. Савина, Б. А. Оболонского, Ф. М. Сомова, Н. Г. Устрялова, Д. И. Хвостова, Д. И. Хвостовича, П. Н. Шаляпина. 2. Материалы к биографии П. Шеролева. Дополнительный комментарий и вводные заметки Ю. Оксман. 3. Письма: М. В. Бессонова, Ф. Ф. Вигеля, В. С. Голыгина, крепостных крестьян. С. Д. Пушкина, отношения Публичной Библиотеки. А. Оболонского, П. Д. Гаврилова, В. Вельяев и Д. Якубовича.

4. ИЗ НЕИЗВЕСТНОЙ ПЕРСИПНА.

Воспоминания Катеньки о Пушкине. Ю. Оксман. Пушкин в ссылке. Ю. Оксман. Пушкинские документы архива Погодина. М. Павловский. Пушкин по документам архива Соболевского. М. Сметлова.

5. ЦЕНА НОМЕРА 4 РУБЛЕЙ

Тираж книги ограничен, в розницу будет отпущена только по твердым заказам в очень небольшом количестве. Желающим обеспечить себе получение книги рекомендуется заранее прислать в Издательство стоимость почтовым переводом. Присланный деньги книга будет выслана в первую очередь, заранее с гарантией. Книжки рассылаются в хорошей плотной упаковке, подкрепленной охранным в пути, заказной почтой бандеролью, обеспечивающей доставку. Пересылка за счет Издательства.

Депозитные переводы направляйте: Москва, 6, Страстной буль., 11. Журнально-газетное Обеспечение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретная Последняя пер., д. 26, тел. 69-61 и 4-34-60.

ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бульвар, 11, тел. 4-68-18 и 5-54-69.

Ответственный редактор А. А. БОЛОТНИКОВ.

ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное Обеспечение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретная Последняя пер., д. 26, тел. 69-61 и 4-34-60.

ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бульвар, 11, тел. 4-68-18 и 5-54-69.